

С НЕКРАСОВЫМ В СЕРДЦЕ

Год нынче — некрасовский: исполнилось 160 лет со дня рождения великого поэта. Юбилейному масштабно прошёл Всесоюзный праздник поэзии в Карабихе и ряде ярославских городов; наконец-то началось пятнадцатитомное издание сочинений Н. А. Некрасова.

С именем Некрасова для меня лично связаны и две поездки, которые на первый взгляд и не имеют отношения к нему: на лермонтовские дни поэзии в Пятигорск и на юбилей Максима Богдановича в Минск и Москву.

Когда в Пятигорске представили мне слово, то заметили, что представитель Ярославля впервые участвует здесь в поэтическом празднике. Я отметил, что это не совсем так. Мы только что возложили цветы к памятнику М. Ю. Лермонтову. Автор этого памятника знаменитый скульптор А. М. Опекушин (создал также памятник А. С. Пушкину в Москве) — сын ярославского крепостного крестьянина.

Я участвовал в нескольких литературных встречах в Пятигорске и Черкесске, на которых не раз звучало имя Некрасова. Закономерно: ведь, когда говорят о вершинных завоеваниях русской поэзии, называют прежде всего Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Об уважении Некрасова к Лермонтову свидетельствуют не только откровенные подзаголовки «подражание Лермонтову», но и следующее весьма красноречивое признание Н. А. Некрасова: «Да, я увеличил материал, обрабатывавший поэзией, личностями крестьян... Лермонтов, кажется, вышел бы на настоящую дорогу, то есть на мой путь, и, вероятно, с гораздо большим талантом, чем я, но умер рано... Передо мной никогда не изображенными стояли миллионы живых существ! Они просили любящего взгляда! И что ни человек, то мученик, что ни жизнь, то трагедия!»

Так с Некрасовым в сердце прошла эта поездка в Пятигорск, Черкесск и в сказочный шедевр Кавказа — Домбай.

О второй поездке хочется рассказать поподробнее. Вернее, не о самой поездке, а о Максиме Богдановиче, с юбилеем которого связана эта поездка. Его творчество, к сожалению, мало знакомо ярославцам, так как книги Богдановича трудно найти даже в библиотеках. Последний раз его избранное издавалось в 1953 году. А как можно знать писателя без его книг?

Максим Богданович приехал в Ярославль семнадцатилетним юношей. В Ярославле он стал классиком белорусской литературы. Здесь он создал самые значительные свои произведения.

Короткую (1881 — 1917 гг.) жизнь прожил Максим Богданович, в Ярославле провел свои зрелые годы: 1908 — 1916, учась в мужской гимназии, затем — в юридическом лицее. Здесь его сердце болело за родной белорусский народ, его язык, его культуру.

Надо очень любить свой народ, чтобы сказать: «И душу твою обокрали, у ней даже нет языка»; надо быть настоящим сыном земли отцов, чтобы сказать: «И если жив, то жив тобою, мой край родной», надеяться, что только там можно исцелиться сердцем, ибо «там ключ живой воды струится», а когда придет последний час, там найти покой — «пусть в глине, пусть в болоте».

Максим Богданович в Ярославле много и плодотворно работал. Мне, сегодняшнему жителю древнего волжского города, безразлично: как наши места вошли в произведения Богдановича? В стихотворении «На чужбине» читаем:

Вспомним, товарищ,
на щедрой чужбине
О бедной, далекой своей
стороне.

Новое местожительство поэт называет гостеприимным. Да только ли для одного белоруса Богдановича ярославская земля оказалась гостеприимной?

На вечер М. Богдановича в Москве, в Центральном доме литераторов, пришла Валентина Терешкова. Председательствовавший Егор Исаев пригласил ее в президиум. И когда мне дали слово, само собой сказало: из Белоруссии е ярославскую деревню переехали крестьяне Терешковы. На ярославской земле родилась у них дочь Валентина, здесь она расправила комсомольские крылья, а затем стала самой прославленной женщиной планеты.

В стихотворении «Пылают зноём крыши и асфальт» поэт как бы обронил: «Коробушку» выводит детский альт». «Коробушкой» у нас зовут песню Н. А. Некрасова. Так имя его я встретил в стихах Богдановича. Высокая гражданственность, народность Некрасова не могли быть безразличны Богдановичу. Он переводил стихи Некрасова на белорусский язык, не обошлось и без прямой переклички. Так, в поэме «Максим и Магдалена», написанной в 1915 году, стало быть, тоже в Ярославле, есть рефрен: «Лучше было б тебе не любиться, на вельможную дочку не дивиться!» Вспомним Некрасова: «Знать, любить не рука мужику-вахлаку да дворянскую дочку!»

В Ярославле Богданович активно работал и как публицист, и как переводчик. Нельзя не заметить «Песни про князя Изяслава Полоцкого» (Из «Слова о полку Игореве»). Ведь именно из Ярославля началось покоряющее шествие к читателю этого шедевра, к которому прикоснулась талантливая рука одного из зачинателей новой белорусской поэзии. Переводил М. Богданович украинских поэтов, в частности Т. Г. Шевченко.

Лаконична, поэтична проза Максима Богдановича. Писал он рассказы на русском языке. Вот тут-то точные «ярославские» места и приметы. Особенно сказало это на рассказе «Мадонны»: «Хорошо тут у вас... и Волгу верст на пять видно... Давеча пристал наш пароход... у Бабак — пристань такая пониже Ярославля есть».

В «Мадонне» речь идет о великой красоте маленькой русской девочки. Рассказчик говорит: «Иду я — и вдруг слышу детский плач. Глядь, какой-то сопливый карапуз лет двух побежал было, напугавшись моего Неро (так звали собаку. Кличка, на мой взгляд, тоже «ярославская» — по названию ростовского озера. — И. С.) да споткнулся, упал и на четвереньках к своей няньке с ревом ползет. Подполз — и в подол к ней лицом уткнулся. А нянька сия — ну просто девчонка, лет восьми — наклонилась к нему этак заботливо, рожицу рукавом утерла и, знаете, разными там женскими словами уговаривать начала... А какая она там нянька? За самой еще присмотр надобен. А все ж таки, что бы ни говорили, должна в таких няньках задушевная внимательность к детям развиваться, готовность всегда уберечь, защитить, ответить за них на себя взять. СИЛЬНО ДУША ОТ ЭТОГО ПОХОРОШЕТ МОЖЕТ». Последние слова выделил я крупным шрифтом: ведь как это замечательно сказано! Ярославцам хорошо знакомы эти рано взрослеющие девочки (вспомним И. З. Сурикова — «Сиротой я росла, как былинка в поле») и мальчики (вспомним Н. А. Некрасова, каков у него мужичок с ноготок!).

Что еще вспомнил я, читая стихи Максима Богдановича? Войну вспомнил... Поэт-то пишет не о войне, описывает он очень хорошее время: перед паводком, да есть там такие строки: «Приподнимет Неман старый на хребте могучем лед». Дивизия, в которой я служил, называлась Неманской. В Минске я был впервые, но позади остались дороги двух белорусских фронтов: Третьего и Первого...

Почти семьдесят лет назад Максим Богданович тревожился:

Смотри: по всей земле
святой
Волной широкой золотой
Без края блещет хлеба море,
Цветут луга, шумят леса...
Повсюду есть богатство
и краса,
А люди гибнут в голоде
и горе,
Во тьме, от голода дрожа,—
И всюду — ров, забор,
межа.

(Перевод Н. Брауна).

Да ведь речь идет о мире! — вот какой современный поэт Максим Богданович!

Новые дороги — новые встречи... В Черкесске нашу бригаду приняла второй секретарь городского комитета КПСС Фатима Клитаева. «Долюшка женская» тяжелой была не только в русских городах и лесах. Разве горянкам жилось легче? Молодая энергичная черкешенка, активный строитель новой жизни — вот что значит Великий Октябрь для судеб миллионов женщин!

До сих пор нахожусь под впечатлением от встречи на вечере М. Богдановича с белорусским поэтом Максимом Танком, человеком героической судьбы, революционером-подпольщиком в годы, когда его Западная Белоруссия находилась под пятой панской Польши. Первый сборник стихов «На этапах» заключенный под номером 957 написан в тюрьме г. Вильно...

Максим Танк подарил мне с сердечным автографом только что вышедшую в издательстве «Детская литература» сборник «Стихи». Насколько значительна эта книга, можно судить хотя бы по этому, небольшому стихотворению:

«Прочитай и передай
другому!» —
На листовках партия
писала.
Бережно друт другу в дни
подполья
Мы передавали их,
бывало,

Как воды глоток в пустыне
знойной,
Как живой огонь в краях
студеных,
Как в обед кусок ржаного
хлеба,
Как перед атакою патроны.

Мне не наго ни наград,
ни лавров,
Пусть другие ищут их
повсюду.
В очереди, в ожиданье
славы,
Не стояла я и стоять не буду.

Но хочу сложить такую
песню,
На которой секретарь
райкома
Начертал бы дорожку
фразу:
«Прочитай и передай
другому!»

Переводчик этого стихотворения Я. Хелемский во вступительной статье пишет о детстве поэта: «Денег на покупку книг не было. Стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко мальчик переписывал в тетради, заучивал наизусть». Некрасова вспоминал Максим Танк, выступая на вечерах Богдановича в Минске и Москве. Думаю, с полным правом мог бы он поставить эпитафией к своим книгам крылатые слова Некрасова: «Я лиру посвятил народу своему».

Иван СМЕРНОВ.